

3) Историческое пренебрежение к изучению группового уровня по социально-политическим и нормативным причинам. Вопросы пола, расы, сексуальной ориентации и инвалидности болезненны и щепетильны для каждого из нас, зависят от личных пристрастий и могут обернуться вопросами угнетения. Кроме того, расовые и этнические различия часто интерпретируются с точки зрения дефицита и приравниваются к ненормальным и патологическим [5, p. 15–16].

Таким образом, в процессе изучения личностной идентичности необходимо учитывать каждый из вышеописанных уровней, поскольку внимание к этнической принадлежности и проявлениям культуры является одним из фундаментальных условий в объяснении человеческого поведения. Данный подход затрагивает проблему реализации воспитательного ресурса в процессе модернизации общества.

Литература и источники

1. Atkinson, D. R. *Counseling American minorities* / D. R. Atkinson. – Boston, 1998.
2. Карандашев, В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В. Н. Карандашев. – СПб., 2004.
3. Rutter, M. Nature, nurture, and psychopathology: A new look at an old topic / M. Rutter // *Developmental Psychopathology*. – 1991. – №3. – P. 125–136.
4. Samuda, R. J. *Psychological testing of American minorities* / R. J. Samuda. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.
5. Sue, D. W. Creating conditions for a constructive dialogue on «race»: Taking individual and institutional responsibility / D. W. Sue // *Cultural diversity: Curriculum, classroom, & climate*. – Chicago, 1999. –P. 15–20

ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ДОСТОИНСТВЕ В ФИЛОСОФСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ БЛЕЗА ПАСКАЛЯ И СУЩНОСТИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Н. В. Михайлова

Великие произведения духовной культуры, как художественные, так и научные, нельзя объяснить только эпохой их создания, поскольку они подготавливаются веками длительного и сложного процесса вызревания. Математические науки уникальны как сферы культуры и существенно отличаются от других сфер интеллектуальной деятельности. Один из самых знаменитых мыслителей в истории человечества французский математик, физик и философ Блез Паскаль (19.06.1623–19.08.1662) полагал, что надо характеризовать человека, например, не как математика или оратора, а в первую очередь как «честного человека», поскольку практически невозможно свести человека к его профессиональному функционированию. Нужно «познать самого себя», считал он, но если это не поможет найти истину, то, по крайней мере, поможет хорошо и правильно направить свою жизнь. Говоря об истинах, доступных нашему пониманию, Паскаль даже считал, что «ум и сердце – это как бы врата», сквозь которые, по его мнению, «истины проникают в душу» и что не много истин она получает посредством ума, а их часть проникает через «безрассудную волю», которая не советуется с рассуждением.

Важнейшая мысль Блеза Паскаля о человеке – это мысль о его величии, которая согласуется с его пророческим предупреждением чистым математикам не превращать человека в теорему. «Человек – всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает» [1, с. 77]. Различные переводы «Мыслей» Блеза Паскаля предлагают также другие метафорические сравнения человека, очень близкие по содержанию. Например, «Человек не что иное, как тростник, очень слабый по природе, но этот тростник мыслит», «Человек самая ничтожная былинка в природе, но былинка мыслящая», «В сравнении с окружающим его миром человек – не более как слабый тростник; но он – тростник, одаренный разумением». Человек, как объект иссле-

дования, не подчиняется общепринятому порядку изучения. Но, признаки интеллектуального достоинства и философского «величия», по Паскалю, заключаются в следующем: онтологический признак – это осознание человеком бесконечности вселенной, а гносеологический признак проявляется в том, что познание человека беспрестанно совершенствуется.

Паскаль справедливо укорял нас за то, что мы не дорожим нашим настоящим, а слишком уж «торопим будущее», словно оно опаздывает, или наоборот, «призываем прошлое», цепляясь за него так, словно оно слишком рано ушло. Он поставил человека выше науки и технического прогресса, как бы предчувствуя возможную ситуацию, в которой мы в итоге оказались в новом третьем тысячелетии. В способности человека признавать существование множества не постижимых умом явлений Паскаль считал наивысшее проявление духа и «силы разума». Но если человек этого не понимает, то он все еще интеллектуально слаб, поскольку «дурному уму» недоступна не только сущность математического мышления, но и непосредственное познание. Для понимания сущности математического мышления немалую методологическую роль играет то, что Паскаль в своих «Сображениях относительно геометрии» называл «искусством убеждать», которое состоит в проведении «методичных и совершенных доказательств», а также в понимании и соблюдении условий или правил для определений, аксиом и доказательств, состоящих из трех необходимых частей. Во-первых, считал он, необходимо обязательно определять выражения, которыми в дальнейшем придется пользоваться, с помощью явных дефиниций. Во-вторых, для доказательства того, о чем идет в математическом утверждении речь, выдвигать интуитивно очевидные аксиомы или принципы. В-третьих, в процессе доказательства просто необходимо постоянно мысленно ставить на место определяемого его определение.

Паскаль жил в эпоху всеобщего преклонения перед наукой, особенно перед математикой. Поэтому тем более надо отдать должное его проницательности, когда он предвидел как отдаленные и блестящие перспективы любимой им математики, так и ограниченную сферу ее применения, обусловленную самим ее совершенством, а именно, объективностью, строгостью и четкостью ее методов и приемов достижения истины. Именно последовательное проведение в исследованиях рационалистических принципов математического мышления приводит Паскаля к пониманию того, что логико-математическое размышление исходит из некоторого набора начальных утверждений – аксиом, исходных принципов, постулатов, – которые не имеют и не могут иметь строгого математического обоснования. «Такие исходные положения человек принимает не “умом”, а “сердцем”, верой. “У сердца есть свои основания, которых разум не знает”, – говорил французский мыслитель. Сердце ведает всем в человеке, что выходит за пределы его разума, логики, сознания. Иначе говоря, в гносеологическом плане “сердце” избавляет разум от “дурной бесконечности” определений и доказательств, которые, как водится, сплошь и рядом противоречат одно другому» [2, с. 61]. Последнее, безусловно, не относится к математическим доказательствам, если математические теории рассматривать в процессе их самоорганизации как согласованного взаимодействия внутренних компонентов сложной системы философского обоснования математики.

В большинстве своем люди обладают способностью не думать о том, о чем они не хотят думать. Но есть и такие люди, которые «просто не способны не думать», а напротив того, чем больше им запрещают, тем больше они думают. Блез Паскаль говорил, что наше интеллектуальное достоинство «заключено в мысли». В этом «наше величие», считал он, а не в пространстве и времени, которые мы не можем заполнить. Исчезновение «безумных бессребреников» приведет к тому, что стремление «неутомимых прагматиков» к сверхприбыли перестанет «оплодотворяться мыслью», но тогда, со временем, может стать неэффективной и реальная практика жизни. «Постараемся же мыслить как должно» – это принцип нравственности и интеллектуального достоинства человека, завещанный нам Блезом Паскалем. Уместно также отметить, что творцы европейского рационализма не являлись «чистыми рационалистами». Так жизненный идеал Декарт сводил к рациональному идеалу математического познания, однако, все успехи «отвлеченных наук», с грустью замечал Паскаль, не сделали пока людей счастливее. Осуждая крайности, Блез Паскаль, вообще говоря, не являлся ни рационалистом, ни иррационалистом. Но ход истории философии и науки оказался таким, что, несмотря на восхищение Паскалем, за ним не пошли, а отцом новой философии стал Рене Декарт. Но за Паскалем история философии должна признать несомненную заслугу, состоящую в том, что он ставил свои философские вопросы искреннее и талантливее, чем большинство людей, писавших на такие же философские темы.

Рационализм как философское направление основой познания, источником и критерием

знания признает разум. Однако Блез Паскаль не только не старался преуменьшить возможности и силу разума, а напротив, очень высоко ценил достоинства человеческого интеллекта. «Убедительно обосновывая свой тезис о непрестанности прогресса человеческих знаний, связанного с тем, что каждое поколение усваивает, исправляет и дополняет то, что было достигнуто до него, великий французский ученый и мыслитель вместе с тем показывает принципиальную невозможность достижения нами окончательного, абсолютно верного, исчерпывающе полного знания о чем бы то ни было...» [3, с. 117]. Когда он соприкоснулся с наукой о человеке, то был поражен относительной скудостью и недостоверностью сведений, которыми она располагала. В ней не было привычного для него строгого порядка, которым отличалась его любимая математика, которая со всей своей глубиной была бесполезна здесь, поскольку вопросы, относящиеся к изучению и объяснению человека, довольно трудно систематизировать с помощью абстрактно-аксиоматического метода. Мы теперь уже знаем очень и очень много, в том числе множество ненужных подробностей сомнительного интеллектуального достоинства, но еще больше знаем вещей большой практической значимости. Однако с каждой решенной фундаментальной математической проблемой мы одновременно открываем для себя новые нерешенные философские проблемы математического знания и образования даже там, где все казалось прочным и надежным.

Литература и источники

1. Паскаль, Блез. Мысли / Блез Паскаль; перевод с французского и комментариями Ю. Гинзбург. – М., 2009.
2. Гонгало, В. М. Блез Паскаль – мистик, «философ человека» и «философ сердца» / В.М. Гонгало // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 1. – С. 58–63.
3. Богуславский, В. М. Паскаль о достоверности наших знаний / В. М. Богуславский // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 111–120.

ФАКТОР ВРЕМЕНИ В РАЗВИТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В ПОЗНАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

О. А. Левко

Проблема социального времени и его роли в познании и образовании относится к числу наиболее актуальных и наименее исследованных философских проблем. Что представляют собой человеческое мышление, познание и образование? Какова их природа? Имеют они непосредственный или опосредованный характер? И что значит – быть субъектом своего времени? Ответы на эти вопросы сразу же определяют своеобразный водораздел между психолого-педагогическим и социально-философским видением проблемы. Для психолого-педагогической науки человеческое мышление это свойство отдельно взятого индивида, его мозга, природа которого определяется психолого-физиологическими процессами организма и, соответственно, развивать мышление возможно лишь через непосредственное воздействие на данные процессы, благодаря познанию возрастных и других естественных закономерностей их развития. Быть субъектом здесь значит быть носителем человеческого мышления или индивидом, независимо от того социального пространства и времени, в которых он находится. Обращение гносеологии к субъекту, как отмечал один из основоположников феноменологической социологии знания немецкий философ К. Мангейм, способствовало возникновению психологии, использовавшей все более точные методы, в частности, психологическое мышление. Однако, чем больше точности достигала эта эмпирическая психология, чем более высокую оценку получали возможности эмпирического наблюдения, тем более очевидным становилось, что субъект ни в коей мере не является столь надежной отправной точкой для создания новой концепции мира, как предполагалось раньше. В известном смысле внутренний опыт дал нам, конечно, более непосредственно, чем внешний, и внутренняя связь между данными опыта может быть определена с большей уверенностью, если помимо всего прочего, обладать способностью систематического понимания мотивов, вызывающих отдельные действия. «Вместе с